

далекое —
близкоеКонстантин
СЕРЕБРЯКОВ2207
«ПРИХОДИТЕ
НА МОЙ КОНЦЕРТ...»

ВСЯ ЖИЗНЬ и все творчество Мариэтты Шагинян одухотворены музыкой. Она была не просто наслаждением — потребностью быть, «как воздух, вода и хлеб», эмоциональным, нравственно-эстетическим, философским зарядом. И средством проникновения в тайники человеческой души, не выражимые словом.

Как-то Мариэтта Сергеевна сказала, что музыкальная классика приводит человека слышатьенную логику жизни. Мне кажется, музыка явилась одним из важнейших стимулов, выработавших у Мариэтты Шагинян ту силу логики, которая неотразимо действует в ее произведениях. И ритмика в них — четкая внутренняя ритмика — тоже, надо полагать, от музыки.

Понимание музыки было, нее необычайно глубинным.

«Отныне, говоря о себе, могу смело ссылаться на Вас и делать выноски из Ваших писем: авторитетность Ваша тут вне сомнений.. Говорю серьезно!» Это написал Мариэтте Шагинян Сергей Рахманинов в мае 1912 года, когда писательница исполнилось всего 24 года.

«Если Вы что-нибудь напишете обо мне, то это для меня будет большим подарком.. Повторяю: все, вышедшее из-под Вашего пера, будет для меня большой честью». А это строки из письма Дмитрия Шостаковича, посланного Мариэтте Шагинян в августе 1966 года, когда ей было 78 лет.

Так два великих композитора нашего столетия с более чем полуувековым интервалом отозвались о высокой музыкальной компетентности Мариэтты Шагинян.

И в письмах к ней как бы сомкнулись две эпохи в истории отечественной музыки.

Ее «Воспоминания о Сергееве Васильевиче Рахманинове» давно уже стали достоянием читателя. Так же, как знаменитая книга о чешском композиторе Иозефе Мысливичке

«Воскрешение из мертвых», статьи о Моцарте, Николае Метнере, рецензии почти на все крупные произведения Дмитрия Шостаковича. А вот «Пятьдесят писем Д. А. Шостаковича» — работа, которой суждено было стать последней, предсмертной работой Мариэтты Шагинян, еще не известна читателю.

ПИСАТЬ сама она уже не могла. Почти совсем лишилась зрения, да и физически было тяжко — очень ослабела. Ежедневно к ней в больницу приходила Лена — внучка писательницы. Вслух читала и перечитывала письма Шостаковича, а затем фразу за фразой записывала, что ей диктовала Мариэтта Сергеевна.

Однажды, прия в больницу, Лена, как всегда, стала делиться новостями.

— Прекрати! Все это ерунда! — вдруг рассердилась Мариэтта Сергеевна, — не трать попусту время. Давай работать. На чем мы остановились? Нет, лучше читай все сначала.

Лена прочла.

Мариэтта Сергеевна приложила пальцы к губам, как она обычно делала, когда задумывалась, и сказала:

— Это плохо, это — не я. Порви все и выбрось. Начнем снова...

Она не разрешала себе никаких склонок на возраст, на тяжелый недуг, на непривычный для нее способ изложения мыслей — диктовку, к которой раньше не прибегала. Всегда писала сама. И не на машинке, а рукой. Простой ученической ручкой с обыкновенным пером, «чувствуя ритмические очертания каждого слова, разнообразного множества их, уместности на бумаге, передачи своей мысли, наполненной чувством, — как перо напоено чернилами...». Она говорила, что и рука умеет мыслить.

В другой раз Лена, прежде чем приступить к занятиям, налила сока в стакан и хотела напоить Мариэтту Сергеевну.

— Опять не о том хлопочешь. У меня времени в обрез. Как ты не понимаешь?

Внучка понимала. Но не хотела верить...

Работа продолжалась, Лена тщательно записывала, стараясь не пропустить ни единого слова, в особенности когда Мариэтта Сергеевна диктовала скороговоркой.

«...Он пришел ко мне после первого исполнения своего Квинтета... Очень бледный, очень взволнованный и сказал: «Успех Квинтета потряс меня, после концерта я не сразу пошел домой. Я бродил по московским улицам, мне было как-то благодатно на душу. И следы этого благодатного состояния все еще теплятся во мне,

переживаются с особой радостью, даже — счастьем». Сколько помню, гениальные его руки всегда казались мне сухими на ощупь, но, когда он в тот вечер прощался, рука его была влажной».

В последний день работы Мариэтта Сергеевна сказала, что в ее дневниках целые страницы посвящены Шостаковичу, но, чтобы найти эти страницы и напечатать их, потребуется время, которого уже нет. «Надо помнить, что мне почти 94 года».

Она не успела, не закончила (до девяноста четырех ей не хватило одного дня жизни). Внучка частично восполнила незавершенность воспоминаний Мариэтты Сергеевны, разыскала в многочисленных дневниках писательницы

копию композитора комментарий Мариэтты Сергеевны, понял, чего не понимал тогда: «Там в рукописи целое открытие для меня: разница почерков, словесного и музыкального, первый — нервный и неустойчивый, второй — максимально здоровый, определенный, крепкий. Значит, для Шостаковича его нормальный язык — музыкальный, а стихия жизни — музыка». И дальше: «В его лице я близко виду (впервые близко) интереснейшее земное существование — гения, то есть величайшую для человека степень одаренности и намагниченности. Очень это познавательно и интересно наблюдать... Благодарю судьбу за возможность общения с ним».

ТРИДЦАТЬ пять лет длилась большая, искренняя, глубокая дружба композитора и писательницы. Оба они дорожили этой дружбой. И хотя по характеру были совершенно различными людьми, их объединяла самая крепкая — мировоззренческая общность. К своему труду — музыканта и литератора — оба относились с высочайшей гражданской и нравственной ответственностью.

Пытливый, философского склада ум Мариэтты Шагинян всегда рвался к познанию важнейших проблем жизни. И мне думается, что именно в музыке Шостаковича, «сплетенной с содержанием нашей эпохи», проникнутой острым ощущением ее трагизма и оптимизма, писательница черпала многое для себя необходимое. А Дмитрий Шостакович ценил в Мариэтте Шагинян трогательную преданность музыке, проникновенную любовь к ней, веру в нее. И, конечно же, огромный талант и неуемную творческую активность писательницы, ее открытость, ее бескомпромиссность.

«Не сердитесь на меня за мое плохое эпистолярное искусство», — писал Дмитрий Шостакович Мариэтте Шагинян. В этом шутливом признании — присущая композитору скромность. Он действительно считал, что не владеет искусством слова. Между тем в его письмах с предельной простотой и выразительностью порой исповедало высказанные неожиданные суждения, взгляды, наблюдения. И это делает письма Шостаковича удивительно душевными и значительными.

«Сегодня я вернулся из Ленинграда, — писал он 16 февраля 1947 года, — и, перелистывая старые газеты, нашел Вашу статью обо мне в «Известиях»*. Даю Вам честное слово, что первый раз в жизни я решаюсь от всего сердца поблагодарить автора статьи или заметки обо мне. Я никогда этого не делал. Мне кажется, что так поступать не нужно. Можно благодарить за гостеприимство, за вкусное угощение, за помощь в делах и т. п., но за статьи, заметки, рецензии и т. п. благодарить нельзя... Так вот: я горячо благодарю Вас за Вашу статью обо мне в

«Известиях». Она доставила мне много радости...»

В письме от 18 сентября 1968 года:

«Мне кажется, что если автору не нравятся свои сочинения, то они никому не смогут понравиться... Я сейчас пишу скрипичную сонату. Когда я работаю, вернее, сочиняю, тогда мне живется лучше. Если я не сочиняю, то чувствую себя плохо».

Позже, 26 августа 1971 года, возвращается к той же теме:

«После окончания симфонии (имеется в виду Пятнадцатая симфония. — К. С.), над которой я работал денно иночно, сейчас везде какая-то пустота...»

А вот как Шостакович понимал, что такое хороший человек. В письме от 4 марта 1967 года он писал:

«Я очень люблю творчество Паустовского. Наверное, он очень хороший человек, потому что так в его произведениях много настоящей глубокой любви к народу, к своей родине...»

В письмах Шостакович не раз просил Мариэтту Сергеевну послушать его новые сочинения:

«Если у Вас будет возможность приехать в Москву на 14-ю симфонию, я буду ужасно этому рад» (27 ноября 1969 года).

«Если у Вас будет возможность, приходите 23-го декабря на мой концерт...» (28 ноября 1973 года)**.

Дмитрий Шостакович творил непрерывно. И Мариэтта Шагинян была неизменным и чутким его слушателем.

Но вернувшись к дневникам Мариэтты Сергеевны и воспользовавшись еще двумя короткими — сколь трагическим, столь и прекрасным — последними ее записями о Шостаковиче.

Из дневника № 60:
«9 августа 1975 года, суббота (Дублы).»

Не знала, не предчувствовала, только внутренняя тревога била и мучила меня на концерте... Не знала, не предчувствовала, что за час до начала концерта, в 7 часов вечера сегодня ушел из жизни дорогой мой друг, любимый композитор — Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

«11 августа 1975 года, по-недельнику.

Утрата гения — тяжкий удар для всего человечества. Одно утешает — он уходит в беспамятство...»

ДВАДЦАТЬ четвертого марта 1982 года у гроба выдающейся писательницы в траурно-притихшем зале прозвучал рахманиновский «Вокализ». Потом Евгений Нестрененко исполнил из Четырнадцатой симфонии Шостаковича «О Дельвиг, Дельвиг!».

Звучали любимые сочинения Мариэтты Сергеевны, созданные ее великими друзьями. И символично, что свой долгий жизненный путь она завершила страницами, посвященными музыке.

* Полностью письма Дмитрия Шостаковича Мариэтте Шагинян и незавершенные воспоминания писательницы о композиторе будут опубликованы в этом году в журнале «Новый мир».

* Черты гражданина. «Известия» от 7 февраля 1947 г.